

Елена Погорелая

Медные спицы

Елена Погорелая

Медные спицы

Москва

«Воймега»

2018

УДК 821.161.1-1 Погорелая
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
П43

Дизайн серии: Сергей Труханов

Е. Погорелая
П43 Медные спицы. — М.: Воймега, 2018. — 56 с.

ISBN 978-5-7640-0218-7

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© Е. Погорелая, текст, 2018
© С. Труханов, оформление, 2017
© «Воймега», 2018

*Раз, два, три, четыре, пять,
я иду тебя искать.
В тёмном логе, в тёмном блоге,
в той затопленной Мологе —
вдоль по каменной гряде...
Ходит рыба по воде,
рябь над куполом пасхальным
блещет золотом сусальным.
Красный, жёлтый, голубой,
не угнаться за тобой.*

Пятый лепесток

Тише, тише, не шуми

1

...а чего ж ты хотела-то, дурочка? Сердце бьётся,
перламутровый перстень сверкает на дне колодца,
колыбельная песня поётся, мёд-пиво пьётся,
а порой так и просто мёд.

Кот качает зыбку,
подрастает ребёнок и ждёт золотую рыбку.

Ах, коса меловая, линия береговая!..
Золотая рыбка, трепещущим помавая
плавником,

обходя крючки и кривые снасти,
с перламутровым перстнем в разорванной рыбьей пасти
приплывёт и сманит — как деда, отца и брата —
в те моря, из которых к матери нет возврата.

Так что ты живи, не суетись, не пори горячку:
осторожно покачивай зыбку, баюкай качку,
обучи ребёнка смеяться, ходить и плавать...
А как плакать захочешь —

смотри в ледяную заводь:
там в придонных омутах рыбы стоят живые —
лучепёрые, змееголовые, грозовые,
там в густой воде они движутся косяками,
пошевеливают тяжёлыми плавниками...

тише тише не шуми
верхней ноты не возьми
ноту нижнюю найди
рыбой под воду уйди
под водой ли под водой
ходят рыбы чередой
в заболоченной кринице
пахнет ряской и рудой
оборвав губой блесну
в тёмной заводи примкну
к лучепёрой веренице
распластавшейся по дну
прежний облик откреплю
боль в губе перетерплю
как же я тебя люблю
как же я тебя люблю

* * *

Над далёкой твоей высоткой,
над семнадцатым этажом,
где луна проплывает лодкой
и звезда мельтешит стрижом,
осторожный, неразличимый
в белом блеске больших планет,
для кого-то из нас, любимый,
занимается тихий свет.
В этом нет никакого толку:
просто — радость для мелюзги.
Просто ангелы втихомолку
звёзды склеили из фольги.

* * *

Под вечер на окраине
то снег, то дождь.
Дворами и сараями
домой идёшь.
В квартирах окна светятся..
Из них глядит
чужая окоlesiца,
поблѣкший быт,
существованье сорное:
глядят миры.
Скрипят шкафы наборные,
пестрят ковры
с восточными фигурами;
цветы, коты
растут под абажурами
из темноты.
...Я ничего не знаю про
твоѐ окно.
В нём снегопада серебро,
дождя сукно.

* * *

здесь улицы в серой коросте
но звонко клокочут дрозды
и в каждой сиреновой грозди
пятилепестковой звезды
сиянье

и ливневый

вешний

грохочет в ночи водосток
и ты

ненаглядный

нездешний

сиреневый мой лепесток

* * *

Первый прадед — воевал. Плыл в поту и жилы рвал,
гнил в болоте, в разведоте землю брюхом шлифовал.
В штыковой атаковал, бил в упор и наповал. Снег в воронках,
свисты в бронхах, дымный шквал, девятый вал.

Второй тоже воевал. Крепко младших целовал: скарб
заплечный, отблеск млечный, спят все четверо. Жевал
самокрутку во дворе... В сорок первом, в ноябре, целым
взводом мимоходом положили на Днепре.

В небо звёздное взгляну: дым уходит в вышину. Под-
растает ваш праправнук, просит песен про войну. Просит,
щурится, растерян — бабьим боем, детским плачем...

Третий прадед был расстрелян.

А четвёртый — раскулачен.

* * *

Ой, да все мои карты — все они новые,
А все красивые девушки замуж вышли...

небо роца берега
шум воды меж берегов
месяц щурится: *сбага*
речка зыблется: *на ров*
звёзды встали в частый ряд
вечер выткан по канве
ой сарэ мирэ патря
да сарэ ёнэ нэвэ
вее холодом с ручья
рыба плещется на дне
сарэ гожо ё чяя
палором ёнэ гэнэ

Сов, миро чяворо*

1

А как сдвинет брови смуглый хоревод,
а как вострепещут струнные, и вот-
вот взовьются песни, потекут, как реки, —
тут ты и проснёшься в следующем веке.
Может быть, и к лучшему: пращурь твои
(волглый ветер в спину,
сбруи,
колей) —
что они расскажут о своих дорогах,
ворогах, острогах, похоронных дрогах?..
Так ты и проснёшься, не признав лица
деда-хоревода, деда-кузнеца:
тех, что шли по шляхам колеёю торной,
литерой наборной,
клеткой кроветворной...

2

В тот год богата золотым рублём
была Россия, поле — ковылём,
конями — табор, лебедой — межа,
а Миропея вышла за гаджа.
Без Миропеи в поле с той поры
котлы кипели, ставились шатры,
звенели кольца, деньги, удила...
А Миропея сына родила.

* Спи, мой мальчик (*цыг.*).

И были годы, полные зимы.
Никто не зарекался от тюрьмы,
тем паче — от сумы и сулемы.
...А сын домой вернулся с Колымы.
Закрой глаза и слушай, чяворо,
откуда есть пошёл твой чёрный род.
Теперь ты знаешь, милый, отчего
тебя назвали так же, как его.

* * *

Какая жизнь тебе ещё нужна?
Вот эта ночь,
 вот эта тишина,
вот этот час в больничном околотке,
где ты идёшь бесшумней и быстрее
развешивать по спинам батарей
заштопанные детские колготки.

Твои глаза — покуда видят сны
мальцы — от недосыпу зелены,
спина пряма,
 и нечего стыдиться,
что, навалясь на крабы, вновь глядит
из-за угла подросток-инвалид
на талию твою и ягодицы.

* * *

Дети, умирающие в детстве,
Умирают в образе зайчат.
И они, как в бубен, в поднебесье
Маленькими ручками стучат...

В. Блаженный

...Ходоки уходят целиком.

М. Петросян

Ходоки уходят целиком.
По пропахшим хлоркой коридорам,
лестницам, дворам, подвальным норам,
за руки, на ощупь, босиком,
шорохом в прокрученных кассетах...
На ночь запираются в клозетах
с плачущими трубами, ползут
к брошенным коляскам, на газетах
пилят хлеб и вены. Время петых,
ночь черна, как рыночный мазут,
ночь глуха и пасмурна.

По нарам
прыгуны дают запечься ранам,
кривят лица, скалятся тайком...
Ходоки уходят целиком.
И пока живущие в соседстве
пьют и спят, просачиваясь в чат,
*дети, умирающие в детстве,
маленькими ручками стучат.*

* * *

Медные спицы мелькают в сухих руках
Уроженки Чернобыля.

Жизнь, по её присловью,
Осыпается чёрным песком, и равны в веках
Птицы, звёзды, вязанье и мы со своей любовью.
Мир ночами яснее: твоя красота — свеча
В переходах Вселенной...

Ты знаешь, мне здесь не спится.
Я смотрю на звёзды поверх твоего плеча.
И рентгеновский луч поблёскивает на спицах.

Чужая девочка

* * *

Когда, в преддверье Рождества,
вдруг прорастает, как трава,
всё то, чем ты была жива,
чем ты тогда была жива:
ночной автобус (пусть ни зги
за окнами — я здесь, с тобой),
звезда из скомканной фольги,
пятно гуаши над губой,
болячки свежей колотье,
смех, плач, промокшее бельё... —
не трогай: это не твоё.
И это
тоже не твоё.

Тусклые огни

1

А тот, кто говорил, что бога
нема, — отчасти прав. Взгляни,
как прорисованы убого
высоток тусклые огни,
услышь, как взлаивают в раже
сигнализации — сии
псы, бодрствующие на страже
индустриализации...
По предварительным раскладам
(перепроверить бы с утра!)
Его нема —
но там, за МКАДом,
есть брат и сонная сестра.
Россия, звёзды, ночь, бараки
инфекционки. У крыльца —
звонок. Шприцы в блестящей раке.
Улыбка в полтора лица.

2

На свете счастья нет, но есть на свете
другое.
Оголённые дворы
дрожат, как забалованные дети
при виде интернатской детворы.
А листья, с веток сорванные, прытки,
шершавы, суматошны и пестры...
Мальчишка на коленях у воспитки.
Девчонка на руках у медсестры.

* * *

М. З.

Посмотри на меня, сестрица моя шишига,
русопёрая, светлоглазая — то ли чудь
бесприютная, то ли в память степного ига
унаследовавшая раскосость свою;

ничуть

не страшась ни грома, ни вражьиx силищ,
ни бескормицы, ни тоски, ни чумной весны —
только б дети в своих кроватках не всполошились,
не повскакивали, с ресниц отрясая сны:
те, что ты им украдкой прятала в покрывала,
наклоняясь то к тёмной,

то к пепельной голове...

Чтобы помнили, перелётные, — токовала, —
о добре, — целовала в лоб, — и о волшебстве.
Посмотри на меня, навевающая виденья,
голубые соцветья сжимающая в горсти.
Наколдуй мне простую радость

в свой день рожденья.

И впусти нас в пустую горницу, и прости.

* * *

На исходе дня опять восставишь
память, как кренящийся штатив:
мать, перебирающая клавиш
гулкий ряд,
отец, что, опустив
голову, садится над газетой, —
и впотьмах искрящая прогретой
шумной шерстью — кошка на столе.
Бросишь сквозь узоры на стекле
взгляд в окно — и школьного квадрата
дрогнут очертанья, и кривой
ряд берёз...

А мамино вибрато
птицею парит над головой:
завещать бы этот ми-бемольный
детский мир, до времени безбольный,
девочке, ещё не знавшей школьной
жизни и премудрости, чужой
девочке — картавой и раскосой,
сумрачной, смешной, светловолосой,
вставшей, будто страж звонкоголосый,
над твоей потерянной душой...

* * *

Девочке Наде,
дочке местной бляди,
на лечение в столице
скиньтесь христареди.

Девочке Наде
скиньтесь на тетради —
как-нибудь да пригодится
в школьном вертограде.

Да замрёт она пред школьным
бронзовым литым крыльцом,
как пред боем колокольным
запрокинувшись лицом...

Юбки да ленты,
куртки-позументы,
как на чековые книжки
падают проценты,

прятки да оглядки,
вьющиеся прядки...
Одинаковые стрижки.
Штамп на белой пятке.

* * *

О. Ч.

Я никогда не видела, ничком
ли, навзничь ли, повёртываясь на бок
под тусклым синеватым ночником,
ты засыпаешь — но сиротский навык
угадываю.

Плакать ли о том,
что ты однажды медленно, с трудом,
как все другие — музыке и чтению,
научишься его преодолению?
Научишься не всхлипывать во сне
на скомканной промокшей простыне,
научишься смеяться тем, кто снится,
сквозь слипшиеся русые ресницы,
научишься считать до одного...

И пусть не у меня,

но у кого-
то сбудутся ночные упования,
как в диккенсовских снах пред Рождеством:
и гаммы, и уроки рисования,
и твой висок на сгибе локтевом.

* * *

...Я возьму тебя на руки, встану и подойду
к подоконнику.

Ты раздвинешь глухую штору,
чтобы лучше видеть, что делается в саду,
что за лист слетает к варзливому лабрадору.
Это ряд наблюдений, свод, череда картин,
веселящих тебя...

Как листья в окне кружатся!
Через десять минут подействует супрастин,
и ручонкам придёт пора наконец разжаться.
Я тебя укачаю и молча поеду вдоль
кольцевой,

натыкаясь на спины, затылки, плечи,
продолжая баюкать на локте тупую боль,
становящуюся ни ласковее, ни легче.

* * *

Между Пензой и Саратовом
протекает речка Няньга.
В мире сумрачном и матовом
я не мать тебе, а нянька:
та, что пестовала, правила,
порицаемая втуне...
Но не та, что не оставила, —
и не та, что накануне,
умилённой и обрадованной,
наклонялась к изголовью:
над твоей ушною раковиной,
вздрагивающею бровью...

Адресат

* * *

С. Э.

Три тысячи раз светало
с тех пор, как тебя не стало.
Со дня твоего предела
три тысячи звёзд сгорело.
Но слишком доверчив к чуду
январь, и холмы повсюду
полны голубого блеска —
до чёрного перелеска.

Так смотришь ты исподлобья
поверх своего надгробья,
поверх ледяной пустыни,
как будто весь мир отныне
прозрел — и, обретши имя,
глазами глядит твоими,
а вместо меня, безвестной,
хранит тебя свет небесный.

* * *

Говорил ты мне, говорил: «Не проси огня.
У тебя не хватит сил возлюбить меня.
Я не знаю тоски по дому, где век назад
ты склонялась ко мне, седому;
мой слух не рад

тишине деревянных комнат... не надо лжи:
если сердце помнит пыльные витражи,
выметают из сердца сор, посуды сама».
И чадил фонарями двор,
и была зима.

Сквозь тебя светили, словно бы изнутри,
от столетней пыли чёрные фонари,
а потом, обращаясь вспять, голубым лучом
теребили шальную прядь
за твоим плечом.

Да ещё, провожая стужу, в чужом окне
занавеска рвалась наружу, на мокрый снег,
и под скрип петель оседало в сугроб крыльцо,
и мела метель
в молодое твоё лицо.

* * *

...И стоит только вспомнить о тебе:
певце, бродяге, с пеплом на губе
дрожащей, —

 в прогоревшем эпизоде
чужих миров фиксируется связь,
и ты меня целуешь, спохватясь,
под лестницей в подземном переходе.
Мир пахнет тем, чем пахнут поезда.
Ты больше не приедешь никогда,
какая бы подробность ни связала
меня с тобой в тот вечер без числа.
...А я тебя действительно ждала
три года с Белорусского вокзала.

* * *

Он стащил шелом, он сказал — шалом!..

М. Галина

...Он глотнул пивка, он сказал: пока, мол, хорош реветь из-за пустяка, мол, чего ты хочешь, я всё сказал, я тебе два года смотрел в глаза, у меня плацкарт через полчаса, мне давно пора на вокзал!..

Говоришь: ну, конечно, иди, пора. Мы с тобой простились ещё вчера, я вообще люблю тебя как сестра, а что в слезах с утра — извини, жара... Всё, иди скорей, со шпанной не пей. Будет время — пиши, окей?..

Он глядит, сквозной: «Золотой весной не дыши мне в спину, не сыпь казной, подо мной качается шар земной, жизнь проносится стороной! Города горят, и мосты горят. Я не сплю четвёртую ночь подряд, а вокруг говорят — доигрался, брат, поделом тебе, говорят... Что ты шпаришь мне про свою тоску?! Я ночами дуло веду к виску, я хожу над бездной по волоску — расплети, развяжи, раскуй!.. А не можешь — к чертям, не хватает зла. У меня — друзья, у тебя — дела. Я сломил крыла, я сгорел дотла, я хочу, чтобы ты ушла!»

...Говоришь в ответ через двадцать лет: «У меня никого, мой любимый, нет, я тебе всё время смотрела вслед — и глаза потеряли цвет. Я нашла твой страх на своей стерне: я хожу над пропастью по струне, я пляшу на проволоке в огне, в небесах — звезда, синева — на дне.

И когда я буду кричать во сне, только ты не ответишь мне...»

* * *

Вверх по лесенке винтовой —
мимо комнаты угловой.
Страх напрасен и переборот:
крепко заперты двери в город,
ходят тени в плащах до пят,
половицами не скрипят.

Увернуться от них — пустое:
мысль, оставшаяся чертою
на предмете, любой твой шаг
выдаёт, и звенит в ушах —
так смеётся со старых кресел
золотой Иоганнес Крейслер...

Все отмычки в его горсти.
Нам от вечности не уйти.
И, меня удержать не вправе,
явь теряет приметы яви —
блёкнет отблеском по резьбе
вместе с памятью о тебе.

* * *

...Нет, не герой, скорее — адресат,
запретный свет, рождающий слепое
круженье слов...

Но в сумерках, назад
оглядываясь, видишь: за тобою
стоит, плечом касаясь косяка
и не тая бессмертного обличья,
тот пресловутый ангел языка,
который не простит косноязычья.
И всё, что мне дозволено, — ясней
вписать,

покамест мир ещё в фаворе,
в архитектуру памяти твоей
последний жар — и будущее горе.

* * *

...Так мало вместе прожили, что нет
ещё ни сна, ни вздора, ни привычки;
что небо, излучающее свет,
фрагмент собора, замкнутый в кавычки
дворов, — мы смутно видим из окна.
Тесны объятия, комната тесна.
«Ты спишь?» — ты спишь.

Дождь был и перестал.

Так мало вместе прожили, что надо
понять, что еженощный ритуал
есть продолжение древнего обряда
в заброшенной часовне угловой
с изображением звёзд над головой
и россыпью сирени, с холодка
внесённой в коммунальное убранство.
Пылятся книги. Гаснут облака.
Впотьмах хозяйка вещего пространства
вращает часовое колесо:
на двадцать лет...

на тридцать лет...

на со...

* * *

Облака позолочены солнцем, случайный след самолёта ведёт к закату. В дверях часовни — танец поднятой пыли.

Не слышно ни голосов, ни поздних песен, слепые окна глядят на свет, пруд зарос кувшинками, две деловитых утки разгребают у берега ряску.

В ночной попутке иль пешком вдоль поля — иначе сюда никак не добраться, зато — ни преди-, ни послесловья: только ливень шумит ночами у изголовья и цветы расцветают чёрные в парниках.

* * *

Не плачь, не плачь, не думай о плохом.
Он так боится выглядеть лохом,
что упреждает каждую обиду
и пресекает вольность на корню.
А ты в слезах по местным авеню
четвёртый час шатаешься,

для виду

заглядываешь в гулкие ларьки,
где азеры — заезжие царьки
своих прилавков — стыннут понемногу
над грудой дынь с заброшенной бахчи...
Не плачь, не плачь, не всхлипывай, молчи
в ответ на «эй, красавица!»,

дорогу

высматривая, смаргивай с ресниц
слезу — пересечение верениц
вечерних фар...

На здании напротив
неоновые блещут письма.
«Во всём твоя, одна твоя вина», —
сказал поэт,

но как, не озаботив
и не смутив собою никого,
войти в свой дом и выйти из него
в урочный час — безрадостно и мудро,
когда вернётся призрачный гонец,
а он уснёт, приблизив наконец
плечо к твоим губам — уже под утро...

* * *

Ночью, в постели, труднее всего не заплакать,
вперся во встречные окна, на целый квартал
вновь в одиночку горящие.

Старец ли встал
к полке с лекарствами, блёклый рукав закатал,
пальцами сжал плечевую прохладную мякоть,

или родители — возле того же трюмо
с колбочками, пузырьками — домой с дискотеки
ждут малолетку, провидя горгон и мормо
на перекрёстках, в подъездах, в авто, у аптеки?
Или влюблённые, слушающие Рамо

на допотопном FM, засветили плафоны —
перевернуть докрутившийся диск? Граммофоны
столь прихотливы и хрупки, что стоит задеть
чёрную крышку — уже ни звенящая медь,
ни костяные клавиры — почти ксилофоны —

не зазвучат под напрягшейся тонкой иглой...
Глядя в окно, фокусируя взгляд на квадрате
света напротив, не плачь ради бога, и ради
этого тёмного мира — не плачь. Головой
потяжелевшей кивая, уняв горловой

сдавленный кашель, старик засыпает в постели,
школьница куртку снимает в дверях, отвистели
все деревянные флейты, отплакал кларнет —
встала заря,

будто кто-то из встречной метели
в наше окно загляделся на вспыхнувший свет.

* * *

Пойти купить себе левлосева
на все последние шестьсот,
зане изжить не удалось его
дыханье режущих частот,
естественное в нашем климате,
где воздух горек, ветер бранчлив,
где, со страниц на волю выметен,
звучит его речитатив —
над новостройками, бараками,
над тьмой, над скопищем огней,
над трассами и буераками,
твоею жизнью и моей.

* * *

ты странен а не странен кто ж
сквозь сиплый лосевский скулёж
и бормотание цветкова
а. п. — без точек-запятых —
выпрастываются

поддых

врезаются четыре слова
глагол частица (междоме-
тие сверкнувшее в уме)
прыжок и два местоиме-
ния расхристанных

похоже

мысль изречённая есть ложь
мысль изречённая есть нож
ты ранен а не ранен кто ж
ты стар а кто из нас моложе

* * *

Проснуться вдруг в слезах и вздрогнуть.

Заблестели

настольные часы — полтретьего. С тобой
неладно в эту ночь: я вижу, как в постели
ты мечешься; привстав, на ощупь, как слепой,
находишь в темноте лекарства, в изголовье
включаешь, торопясь, ночник — и ничего,
что связано с моей бессмысленной любовью,
не в силах выгнать боль из сердца твоего.
Так, значит, вновь — дрожа от холода спинного, —
молчи, не плачь, грызи запястье, жди, шепча
крылатым существам,

на что ты там готова

за право засыпать у светлого плеча —
пока горит ночник, и двери на запоре,
и только простыня на левой стороне
груди ещё дрожит — и, влажная, в проборе
серебряная прядь растреплена во сне...

* * *

Любовь не проходит: проходит боль,
носиться с которой — спесь.
А слёзы, бегущие ночью вдоль
щеки, — это вздор. Ты здесь.
Ты здесь, ты к подушке виском приник,
и родинки на спине —
как звёздная карта, на краткий миг
раскрытая только мне...

* * *

буду тише воды
буду ниже травы
ни плечом
ни словом
ни о чём
никогда
отцветают сады
осыпаются рвы
сын бежит за отцом
как сквозь землю
вода

Содержание

Пятый лепесток

«Рассказать тебе о том...»	7
Тише, тише, не шуми	8
«Над далёкой твоей высоткой...»	10
1990-е: флэшмоб	11
«Под вечер на окраине...»	12
«здесь улицы в серой коросте...»	13
«Первый прадед — воевал...»	14
«небо роща берега...»	15
Сов, миро чяворо	16
Колыбельная	18
«Что ты ищешь под вечер в сырой траве...»	19
«Какая жизнь тебе ещё нужна?..»	20
«Ходоки уходят целиком...»	21
«Медные спицы мелькают в сухих руках...»	22

Чужая девочка

«Когда, в преддверье Рождества...»	25
«Проезжая мимо храма...»	26
Тусклые огни	27
«Посмотри на меня, сестрица моя шишига...»	28
«На исходе дня опять восстановишь...»	29
«Девочке Наде...»	30
«Я никогда не видела, ничком...»	31
«Я возьму тебя на руки, встану и подойду...»	32
«Между Пензой и Саратовом...»	33
«Если вспомнить о прошлом...»	34

Адресат

«Переводи на бронзу языка...»	37
«Три тысячи раз светало...»	38
«Говорил ты мне, говорил...»	39
«И стоит только вспомнить о тебе...»	40

«Он глотнул пивка, он сказал: пока...»	41
«Вверх по лесенке винтовой...»	42
«Нет, не герой, скорее — адресат...»	43
«Так мало вместе прожили, что нет...»	44
«Облака позолочены солнцем...»	45
«Не плачь, не плачь, не думай о плохом...»	46
«Ночью, в постели, труднее всего не заплакать...»	47
«пойти купить себе левлосева...»	48
«ты странен а не странен кто ж...»	49
«Проснуться вдруг в слезах...»	50
«Вскинешься, расслышавший топоток...»	51
«Любовь не проходит: проходит боль...»	52
«буду тише воды...»	53

Елена Погорелая. Медные спицы

редактор:

А. Переверзин

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 25.12.2017

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 3,5

Тираж 500 экз.

Книга Елены Погорелой — одна большая колыбельная. Её дивная напевная речь убаюкивает, заговаривает. В этом мареве, мороке, заговоре легко ошибиться — прошлое представляется или будущее. Лежишь головой на восток: не восточный базар, а ковёр с живописным узором на стене у бабушки — выцветший, пыльный, родной. С запада — облака и волны. Земляника севера и запах утреннего хлеба, принесённый южным. Но вдруг — слово окликнет, аукнет, кольнёт. Ранит, и сразу ясно — всё настоящее. И ты — настоящий.

Ната Сучкова

Кажется, что Елена Погорелая пишет считалочки на все случаи жизни. И туда ложится всё — и трепет при взгляде на ребёнка, и историческое воспоминание, и таинственная детская необъяснимая потерянности, и не стесняющаяся себя любовь. Но считалочка всё заземляет в повседневность, она выдаёт негромкую готовность и даже жажду жить.

Владимир Козлов